

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-83-91

Ян Юйбин,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия),
e-mail: 914837669@qq.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6499-1267>

«Власть камня» в сказах П. П. Бажова

В статье рассматривается «власть камня» в сказах П. П. Бажова на примере знаковых камней уральской литической культуры: малахита, изумруда, хризолита. Используя методику культурно-исторического, идейно-образного и символично-контекстуального анализа, исследованию подвергаются история открытия каменных богатств Урала, место литического дискурса в мире бажовских сказов, а также конкретная символика камней-самоцветов (малахита, медного изумруда, хризолита) в сказовом творчестве писателя. В этом заключается актуальность исследования. Автор работы доказывает амбивалентную природу малахита как основного камня Уральских гор, символизирующего собой красоту Хозяйки-Малахитницы; медного изумруда, воплощающего абсолютную власть «каменной силы», олицетворяя собой тайное богатство гор, недоступное простым смертным, подобно тайне каменного цветка. Третьим камнем, заключающим в себе литическую власть Уральских гор, является у П. Бажова хризолит. В статье последовательно рассматривается эволюция «знаковых» камней в художественном мире писателя при переходе от сказов, рисующих дореволюционную жизнь Урала, к сказам, изображающим реалии революционного и советского Урала. Можно сказать, что изображением эволюции «каменной силы» основных уральских самоцветов, П. Бажов подготавливал почву для изображения литического дискурса сказов нового Урала. В этих сказах наряду с реальными камнями, вроде камня-орлеца из сказа «Орлиное перо» или «солнечного камня» (плагиоклаза) из одноименного сказа, будут задействованы камни мистические и полумистические: «во-все простенький, на пять граней» камень ключ земли (сказ «Ключ земли»), «терпеливый камешек» (сказ «Далевое глядельце»). Статья будет представлять интерес для гуманитариев, работающих с символикой камней в русской литературе XIX–XX вв.

Ключевые слова: П. П. Бажов, сказы, «власть камня», малахит, изумруд, хризолит

Yang Yubing,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia),
e-mail: 914837669@qq.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6499-1267>

“The Power of the Stone” in P. Bazhov’s Tales

The article discusses “the power of stone” in the tales by P. P. Bazhov on the example of iconic stones of the Ural lytic culture: malachite, emerald, chrysolite. Using the method of cultural-historical, ideological-figurative and symbolic-contextual analysis, the author examines the history of the discovery of the stone riches of the Urals, the place of lytic discourse in the world of Bazhov’s tales, as well as the specific symbolism of gemstones (malachite, copper emerald, chrysolite) in the writer’s fantastic work. This is the relevance of the study. The author of the work proves the ambivalent nature of malachite as the main stone of the Ural mountains, symbolizing the beauty of the Mistress-Malachite, copper emerald, embodying the absolute power of the “stone force”, embodying the secret wealth of the mountains, inaccessible to ordinary mortals, like the secret of the stone flower. The third stone that embodies the lytic power of the Ural Mountains is the Bazhov chrysolite. The article consistently examines the evolution of Bazhov’s “iconic” stones in the writer’s artistic world during the transition from fairy tales depicting the pre-revolutionary life of the Urals to fairy tales depicting the realities of the revolutionary and Soviet Urals. It can be said that by depicting the evolution of the “stone power” of the main Ural gems, Bazhov prepared the ground for depicting the lytic discourse of the tales of the new Urals. In these tales, along with real stones, such as the eagle stone from the tale Eagle feather or “sun stone” – plagioclase from the same tale, mystical and semi – mystical stones will be used: “at all simple, on five faces” stone key of the earth (the fairy tale Key of the Earth, “patient stone” (the fairy tale Distant little body). The article will be of interest to all humanitarians working with the symbolism of stones in Russian literature of the XIX–XX centuries.

Keywords: P. P. Bazhov, tales, “power of stone”, malachite, emerald, chrysolite

Введение. Известный уральский поэт и публицист М. Никулина определила мифологическую природу Урала через тему кам-

ня, литический дискурс. Она писала: «Есть Крыша Мира, есть Пуп Земли, а Урал – Камень» [6, с.32]. Исследователь отмечает, что

© Ян Юйбин, 2021

данное определение относится не только к Северному, но и к Среднему Уралу, т. к. «людей здесь держит и кормит камень» [6, с.33]. Это обстоятельство позволило М. Никулиной использовать термин «уральский роман с камнем» [Там же], имея в виду литический дискурс Уральских гор и Урала как особого российского региона в целом.

Добывать и обрабатывать драгоценные камни («цветное камень») на Урале стали не раньше второй половины XVII в. В 1668 г. рудознатец Дмитрий Тумашев сообщил в Сибирский приказ о находке, сделанной в горах близ Мурзинской слободы, на р. Нейве и включающей в себя «хрустали белые, фатисы вишневые, юги зеленые и тумпасы желтые». Фатисами в XVII в. называли аметисты, югами – бериллы. Что касается тумпасов, то данный термин использовали для обозначения кварцевых пород камня, включая цитрин и раухтопаз.

Академик А. Е. Ферсман считал находку Дмитрия Тумашева началом культуры камня в России [11, с. 11], несмотря на то, что добыча раухтопазов на р. Нейве началась только в Петровскую эпоху, а тумпасы Мурзинской слободы были упомянуты в донесении Г. В. де Геннина от 1735 г.

Георг Вильгельм де Геннин, известный государственный деятель первой трети XVIII в., 12 лет (с 1723 по 1734 г.) управлявший Уральскими заводами, в своём «Описании Уральских и Сибирских заводов» отмечал: «От Екатеринбургских верстах в 90, в Мурзинской слободе, найден тумпас бело-желтоватой и черноватой, которой лутче богемского хрустала и в такой крепости состоит, что стекла режет, и между тем найдены два куриозных черных тумпасов, которых для куриозитету при сем абрис прилагаетца по маштапу. Да во сте верстах от Екатеринбургских ж, при реке Чюсовой, имеют высокие береги каменные, которые походят и свойство имеют с черным мрамором, в нем белые жилки. ещё находитца белая земля подобна трепелю и тарасихилату. Да от Екатеринбургских ж верстах в 20 имеетца гора вся хрустальна, видом и по натуре якобы молочна, ис которой камень полированы, и в нем являетца при сонце красное, лазоревое, белое и желтое сияние» [3, с. 72].

Сапфиры на Урале были открыты в 1823 г., аквамарины – в 1828 г. Первые уральские изумруды обнаружил совершенно случайно в 1831 г. на р. Токовая в корнях дерева, вывороченного бурей, крестьянин Белоярского уезда Максим Кожевников. В 1830-е гг. на Урале открыли несколько при-

исков изумрудов: Старский (Троицкий) – в 1832 г., Мариинский – в 1833 г., Хитный – в 1838 г. Активная эксплуатация этих месторождений продолжалась вплоть до первой половины 1850-х гг.

Промышленная обработка камня в Екатеринбурге была начата в 1747 г., а 8 декабря 1751 г. начала свою работу Императорская екатеринбургская гранильная фабрика.

В русской литературе XX в. уральский «роман с камнем» нашёл своё наиболее яркое отражение в творчестве Павла Петровича Бажова, само имя которого неотделимо от Урала и уральской культуры. Н. И. Тимофеев, академик РИА, главный редактор серии «Урал. XX век» в предисловии к книге Л. Слобожаниной «Сказы – старины заветы» (2000) выражал уверенность, говоря о П. П. Бажове: «Писатель вырос на почве уральской истории, уральской культуры, уральских традиций, уральского народного быта. Он больше, чем любой другой мастер слова, живший на Урале, воплотил в своих произведениях душу и дух нашего края» [10, с. 5]. Сама же Л. Слобожанина, оценивая новаторство книги сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» (1939), так писала о волшебном-сказочных персонажах сказов писателя: «Они наводили на мысль о существовании целостного уральского Олимпа во главе с Хозяйкой Медной горы и Великом Полозом. Такое представлялось возможным в столь малоизвестном краю, каким в то время был Урал» [Там же, с. 49].

Действительно, в своих сказах П. Бажов продолжил создание мифологического дискурса, связанного с горами и персонажами, принадлежащими к горному топосу. Данная проблема в её различных интерпретациях представляет неизменный интерес зарубежных исследователей от Китая до США, давая возможность рассмотреть различные аспекты, связанные с мировыми представлениями о горах и сюжетах, вызванных к жизни реалиями горной культуры [5; 13–17].

Методология и методы исследования. В статье используется методика культурно-исторического, идейно-образного и символично-контекстуального анализа. При рассмотрении «каменного мира» П. Бажова анализу подвергается история открытия каменных богатств Урала, что составляет культурно-исторический аспект исследования. Анализ места литического дискурса в мире бажовских сказов определяет идейно-образный подход к проблеме, в то время как конкретная символика камней-самоцветов (малахита, медного изумруда, хризолита) в

сказовом творчестве писателя позволяет использовать традицию символическо-контекстуального анализа. Все ссылки на бажовские сказы, кроме сказа «Золотоцветень горы», даются по научному изданию «Малахитовой шкатулки», выпущенному издательством «Кабинетный учёный» (Москва, Екатеринбург) к 140-летию со дня рождения знаменитого уральского писателя¹.

Результаты исследования и их об- суждение. Тема взаимоотношений человека с камнем является одной из самых основных в сказах П. Бажова, начиная с довоенных сказов писателя. К ним относятся такие сказы, как «Медной горы хозяйка» (1936), «Дорогое имячко» (1936), «Малахитовая шкатулка» (1937), «Каменный цветок» (1937) «Серебряное копытце» (1938), «Горный мастер» (1938). Данная тема даёт себя знать и в сказах последних лет жизни писателя, в которых появляются сюжеты и образы, навеянные социалистическими преобразованиями на Урале. Речь идёт о таких сказах, как «Далевое глядельце» (1946), «Рудяной перевал» (1947), «Шёлковая горка» (1947), «Золотоцветень горы» (1949).

На первом месте среди уральских камней по праву находится малахит – «радостный камень и широкой силы»², как говорят о нём в сказе «Железковы покрывки». Различные поделки и украшения из малахита, часто встречаются в сказах писателя. Это и малахитовая шкатулка (сказы «Медной горы хозяйка», «Малахитовая шкатулка»), и каменный цветок (сказ «Каменный цветок»), и малахитовые бляшки (сказ «Горный мастер»), наконец, малахитовые покрывки (сказ «Железковы покрывки»), олицетворяя собой различные аспекты взаимоотношения человека с тайной силой. Однако не скрывает П. Бажов и негативной семантики малахита. Сам зелёный цвет камня, по мнению Е. Е. Приказчиковой, «символизировал не только юность, надежду и веселье, но ассоциировался также с несчастьем, печалью и скорбью» [7, с. 13]. Данное обстоятельство было связано с тем, что мастера, работающие с малахитом, часто умирали от туберкулёза, который вызывала ядовитая малахитовая пыль. Эта амбивалентная природа камня просматривается во всех «малахитовых» сказах писателя.

«Малахитовая шкатулка» со всем женским прибором – подарок Хозяйки Медной горы горщику Степану за его смелость пе-

ред приказчиком, выполняя функцию «волшебного дара» герою, по В. Проппу [8, с. 39], менее всего предназначена невесте героя Настасье. Настасья не может носить эти украшения, неизменно чувствуя холод, исходящий от них, и испытывая боль. Зато украшения из малахитовой шкатулки приходятся впору её маленькой дочке Танюшке, внешний облик которой, её поведение и её судьба, оказываются тесно связанными с образом Хозяйки. После своего ухода в стену из малахита, добытого руками её отца, во дворце императрицы Екатерины II Танюшка становится alter ego Хозяйки Медной горы, т. к. после этого случая «хозяйка медной горы двойтётся стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали»³.

В сказе П. П. Бажова «Каменный цветок» малахит оказывается тесно связанным со столь важной для писателя темой горного мастерства и фигурой Мастера как носителя этого мастерства. По мнению первого биографа П. Бажова Л. Скорино, история «каменного цветка» может быть проинтерпретирована как духовная драма художника, камнереза Данилы, который «не привнес в работу творческой выдумки, поэтической обобщающей мысли и поэтому терпит неудачу» [9, с. 124]. Это относится к малахитовой дурман-чаше, создавая которую, Данила копирует живую природу, реальный цветок, не внося в его создание поэтической выдумки, поэтического обобщения, «которое и составляет сущность искусства» [Там же, с. 130]. Именно поэтому Данила разбивает свою чашу и уходит к Малахитнице в горные мастера, откуда его возвращает земная любовь невесты Катерины. Желая вернуть жениха, Катерина сама начинает изучать горное дело, по сути, став ещё одним горным мастером семьи. Малахитовые бляшки, вытравливаемые ею, с символическим узором, изображающим двух птиц, становятся мистическим мостом, соединяющим двух влюблённых друг в друга людей. Силу этой мистической связи признала, в конце концов, и сама Хозяйка, поставившая вначале Данилу перед нелёгким выбором: «С ней пойдёшь – всё моё забудешь, здесь останешься – её и людей забыть надо»⁴. Однако после выбора Данилой земной жизни вместе с любимой Катериной Хозяйка признаёт своё поражение и одновременно проявляет благородство, оставив ему в подарок память о полученном в горе мастерстве, кроме тайны «каменного цветка», который так и остаётся

¹ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. – М.: Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. – С. 398.

² Там же.

³ Там же. – С. 171.

⁴ Там же. – С. 199.

одной из основных литических тайн Уральских гор.

Освобождение от негативной семантики образа малахита у П. Бажова происходит только в сказе 1942 г. «Железковы покрывки». В этом сказе речь уже идёт не о природном камне-малахите, находящемся под властью Хозяйки Медной горы, но о малахите, сделанном благодаря искусству Мастера, что превращает его в «родной» камень «небывалой радости»¹. При этом его практически невозможно отличить от природного малахита. Эта новая магия камня, по П. Бажову, была связана как с предчувствием революции 1917 г. (действие сказа происходит после революции 1905 г.), так и с возросшим мастерством уральских камнерезов, проникнувших в «тайную силу» камня, который «в сердце весну делает»².

С образом малахита как основного камня Уральских гор, символизирующего собой красоту Хозяйки Медной горы, неразрывно связана тема медного изумруда. Академик А. Е. Ферсман называл медный изумруд «славой и гордостью Урала» [11, с. 23]. У П. Бажова медный изумруд, или диоптаз, водосодержащий силикат меди [1, с. 57], появляется сразу в двух сказах: «Медной горы хозяйка» и «Сочневы камешки». Этот минерал, который в XIX в. считали разновидностью настоящего изумруда, наделялся в сказах исключительной магической силой. По преданию, он рождается из желчи змеи, что само по себе символично, т. к. змеи и ящерицы рассматриваются в качестве зооморфных символом Хозяйки Медной горы, её животных ипостасей. По мнению О. И. Гамали и О. Б. Каневской, «медный изумруд, символизируя абсолютную власть каменной силы, является воплощением тайного богатства гор, недоступного простым смертным» [2, с. 32].

В сказе «Медной горы хозяйка» медный изумруд – это слёзы Хозяйки, которые она, отпуская Степана к его невесте Настасье, даёт ему в качестве прощального дара кроме малахитовой шкатулки со словами: «На-ко вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают. Богатый будешь – и подает ему. Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая, и трясется маленько»³. Тем не менее, эти слёзы Хозяйки Медной горы впоследствии сыграют роковую роль в судьбе Степана, кото-

рый так и не сможет забыть свою «каменную девку». Он не продаст её «слёзы», но будет тайно хранить их до самой своей смерти, которая настигнет его у Красногорского рудника, с которого он когда-то, выполняя просьбу Хозяйки, велел убираться заводскому приказчику по прозвищу Душной козёл. В сказе медный изумруд символизирует собой особые, человеческие, отношения между Хозяйкой и Степаном. Не случайно она подаёт их ему горячей, «живой» человеческой рукой, которая от волнения ещё трясётся немного. Тема слёз Хозяйки повторяется в сказе ещё один раз, когда отправившиеся на поиски Степана люди видят над его телом большую зелёную ящерку, «голову подняла, а слёзы у ей так и капают»⁴. Обычно считается, что камешки, которые нашли в крепко сжатой руке мёртвого Степана, это «слёзы» Хозяйки, подаренные ему при расставании. Но, можно предположить, что это слёзы Хозяйки-ящерицы, которыми она прощалась с умирающим Степаном. В сказе «один знающий», лишь взглянув на «зёрнышки зелёненькие», сразу узнает в них медный изумруд, «редкостный камень, дорогой»⁵. Однако при попытке достать камешки из руки Степана они рассыпаются в прах. Как мы помним, первые слезы Хозяйки давались ему и его семье «на разживу». Вряд ли бы Хозяйка лишила семью поддержки после смерти Степана, если бы это были те самые слёзы-изумруды. Другое дело слёзы ящерицы над умирающим Степаном. Они принадлежат только герою и Хозяйке, и никто не имеет на них права.

Противоположностью медного изумруда как камня мистически-трагического, не приносящего человеку богатства и счастья, выступает в сказах П. Бажова шлак, «соковина дорожная», из которой Митюнька, сын Данилы-мастера, делает свою «хрупкую веточку», превращая её в настоящее произведение искусства. «Хрупкая веточка» сказа – ветка крыжовника, выточенная из полевого шпата (ягоды) да змеевика (листья) и выглядящая абсолютно как настоящая в соответствии с замыслом Мастера: «в каждой ягодке ровно зернышки видно и листочки живые, даже маленько с изъянами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пятнышки пришлись»⁶.

В этом сказе П. Бажов чётко противопоставляет два вида мастерства камнереза, два отношения к камню, которые воплоща-

¹ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. – М.: Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. – С. 407.

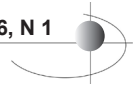
² Там же. – С. 404.

³ Там же – С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 37.

⁶ Там же. – С. 326.

ют собой Данила и Митюха, отец и сын. По мнению Л. Скорино, главная ошибка Данилы в том, что «он не идет дальше наблюдений, дальше слепого подражания природе. Материал подчиняет его себе» [9, с. 124]. Хочется углубить мысль исследователя: принципиальное отличие мастерства отца и сына заключается в том, что для Данилы речь о материале даже не стоит. Он знает, что его «каменный цветок» будет только малахитовый, несмотря на то, что это даже физически невозможно, о чём прямо говорится в сказе «Хрупкая веточка», где даётся чёткое противопоставление простого «здешнего камня», чтобы «ягоды точить» людям на радость, дорогим камням: малахиту и хризолиту: «Хризолит... дешево не добудешь, да и не подходит он, а малахит только на листочки и то не вовсе годится: оправки либо подклейки требует»¹ (курсив наш). Последняя фраза про малахит показывает всю утопичность замысла Данилы Мастера – создать каменный цветок полностью из малахита.

Митюха считает, что каждая «каменная ягода» требует своего камня, т. к. нет такого идеального камня, из которого можно было бы выточить любую «каменную ягоду», олицетворяющую собой принцип абсолютной красоты. Когда молодой мастер Митюха думает, из какого дешёвого здешнего камня можно создавать собственные каменные поделки, на помощь герою приходит Хозяйка Медной горы. Она ставит на станок Митюньке «большую плитку змеевика, а на ней, как на подносе, соковина дорожная»², чем приводит героя в настоящий восторг. Он только не знает вначале, какую каменную ягоду можно делать из такого камня, которого на Урале возами вози. И опять на помощь Мастеру приходит Хозяйка, предложившая ему на выбор сразу три ягодные веточки: вишнёвую, черёмуховую и, наконец, ветку крыжовника. Однако свой правильный выбор (крыжовник) мастер осуществил сам, за что удостоился похвалы Хозяйки: её рука погладила его по плечу. Можно согласиться с мнением Л. Скорино, что Митюньке «удается достичь... гармонии между поэтическим замыслом и материалом, отсюда жизненность его творений» [Там же].

Однако «тонкость» работы Мастера оказывается непонятой старым баринном, для которого самым важным критерием красоты камнерезного дела оказывается стоимость

используемых камней. Поэтому он вначале похвалил поднесённую ему приказчиком в бархатной коробочке в качестве подарка для дочери-невесты веточку. Но, узнав, что она сделана из змеевика да шлака, пришёл в бешенство и растоптал её в пыль.

По сравнению с хрупкой красотой каменной веточки крыжовника образ малахита в данном сказе оказывается наиболее зловещим. Он выступает в роли камня танатологического, вызывающего болезни и приближающего смерть мастеров, работающих с ним. После того как по приказу барина Даниле вдвое увеличили оброк, дом мастера превратился в настоящую малахитовую мастерскую, где «Данило уж вовсе стариком глядит, старшие братья покашливают, да и на малых смотреть невесело»³.

Третьим камнем, помимо малахита и медного изумруда, олицетворяющим собой литическую власть Уральских гор, является у П. Бажова хризолит. Л. Скорино, вспоминая свою беседу с писателем 24 мая 1943 г., отмечала наличие у писателя двух групп сказов: «Взрослого тона и детского тона» [Там же, с. 171]. К первым П. Бажов относит «Каменный цветок» и ему подобные, ко вторым – «Огневушка-поскакушка». По мнению исследовательницы, сказы «детского тона», «не драматичны, как сказы “взрослого тона”, а наоборот, оптимистичны, пронизаны веселым лукавством рассказчика и всегда заканчиваются призывом не удовлетворяться найденным, а снова искать, открывать» [Там же, с. 173]. Конечно, этот вывод во многом навеян пафосом социалистического строительства, когда горнорудные разработки послевоенного Советского Союза оттеняли труд дореволюционных уральских рудознатцев. Политический дискурс сказов П. П. Бажова рассмотрен в книге «Politicizing magic: an anthology of Russian and Soviet Fairy Tales» (параграф «The Malachite Casket») [14]. Сказ «Серебряное копытце», благодаря своему оптимизму и прекрасно обрисованному образу девочки Дарёнки, относится к сказам «детского тона», прославляя красоту хризолита – камня, являющегося даром уже не Хозяйки медной горы, но лесного козла с серебряным копытцем, которым он высекает драгоценные камни. Образ хризолита как детского камня появляется у П. Бажова и в сказе «Дорогое имячко», где изображается жизнь автохтонного населения Урала, «старых людей», в эпоху «чуди белоглазой»: «Кразелитами (хризолитами – Ю. Я.) хоть

¹ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. – М.: Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. – С. 324.

² Там же. – С. 325.

³ Там же. – С. 324.

ребятишки играли, а в золоте никто и вовсе толку не знал»¹.

Н. Ларионова писала о хризолите: «Драгоценный прозрачный камень, разновидность минерала из группы оливина (перидота). Хризолит относится к ювелирным камням второго разряда, имеет высокую твердость...прозрачен <...> Встречается на Северном и Полярном Урале, применяется как ювелирный камень – чаще всего его гранят для вставок в кольца, серьги, броши, диадемы. Оправляют хризолит всегда в золото»².

Хризолит из-за его красоты часто называли «вечерним изумрудом». Но если медный изумруд в сказах П. Бажова часто олицетворял трагическое начало, «слезы Хозяйки Медной горы», «вечерний изумруд» (хризолит), безусловно, – начало позитивное. В статье О. И. Гамали и О. Б. Каневской отмечается, что хризолиты, «в отличие от малахита и медного изумруда, предназначены не для высших сил, а для людей и приносят счастье в их жизни <...> Слово *хризолит* в сказах П. П. Бажова приобретает символические значения: духовный дар, радость, красота, детство, древность, непостоянство, временность» [2, с. 33].

Детство в сказах П. Бажова часто неразрывно связано с понятием сиротства. Е. В. Харитоновна отмечала, что «образ сироты в сказах П. П. Бажова относится к числу постоянных» [12, с. 20]. Н. Б. Граматчикова подчёркивает, что «пространство семьи у Бажова – это сфера ежедневной заботы, значимость которой ощущается только в ситуации утраты» [4, с. 26].

Так как сирота лишён заступника, то его судьбу, как правило, берутся устраивать заводские старики, воплощающие в сказах основные принципы народной этики. Если Прокопъич заменяет отца Данилке Недокормышу в «Каменном цветке», то Кокована начинает выполнять эту функцию по отношению к Дарёнке в «Серебряном копытце». Однако можно сказать, что и «тайная сила» в сказах «детского тона» компенсирует детям-сиротам их социальную ущербность.

Можно вспомнить, что П. Бажов планировал изменить финал «Серебряного копытца», превратив полшапки драгоценных камней в увесистый сундучок, который наполняется самоцветами перед тем, как у Коковани

и Дарёнки остаётся последний камешек. И основной «дарительницей» в этом новом финале должна была выступить пропавшая вместе с Серебряным копытцем Мурёнка: «Дарёнка слышит, в сундучке, где камешки лежали, что-то зашуршало. Поглядела, а он полнёхонек. Да ещё новенькие камешки появились, каких раньше не было. Показала Коковане, он и объяснил: “Такую штуку гранильщики зовут – кошачий глазок. Ничего камешек, подходящий, в цене”»³. «Кошачий глаз», хризоберилл, действительно достаточно ценный ювелирный камень, который добывали на Среднем Урале на Малышевском месторождении. Введение этого камня в сказ не нарушило бы историческую правду добычи самоцветов на Урале. Однако благодаря такому финалу, во-первых, снижалась ценность первого «дара», дара Серебряного копытца. Во-вторых, и это главное, «духовный дар» заменяется даром материальным, а у П. Бажова, даже по отношению к сиротам, например, к Дарёнке, камни никогда не становятся источником обогащения. Об этом писала Л. Скорино, отмечая, что в сказах П. Бажова отсутствует характерный для фольклорной сказки и для горняцких «тайных сказов» мотив волшебного обогащения: «Герои Бажова, как правило, не богатеют, а получают или берут из “земельного богатства” немного – столько, сколько им для жизни нужно <...> Размеры сказочных сокровищ... всегда очень скромны» [9, с. 180, 181].

Более того, «дар» Серебряного копытца трансформируется в этиологический миф о происхождении хризолитов: «А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются. Видали?»⁴. В последний раз образ хризолитов появится у Бажова в сказе «Золотоцветень горы» 1949 г., в котором рассказчик старик Сидор Васильевич Климин, рассказывает о своей жизни, радуясь, что дожил до времени, когда сбылся старый поисковый сказ о золотоцветене горы. Данный сказ представлен у П. Бажова следующим образом. Уральские горы – «Пояс» – имеют широкую «ленту украшений», в которую входят дорогие камни: александриты, изумруды, аквамарины, по самой же середине Пояса («хребтине») расположен двойной ряд хризолитов, характеризующихся как «весёлый камешек». П. Бажов пишет: «Так весной да солнышком от

¹ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. – М.: Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. – С. 9.

² Ларионова Н. Хризолит // Бажовская энциклопедия / сост., ред. В. В. Блажес, М. А. Литовская. – Екатеринбург: Сократ: Урал, 2007. – С. 458.

³ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. – М.: Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. – С. 120.

⁴ Там же.

него и отдаёт. Мы эти камешки золотоцветняками зовем»¹. Золотоцветняки-хризолиты, по П. Бажову, «мелконькие», большим же камнем «Пояса», олицетворяющим собой красоту Уральских гор, является камень золотоцветень горы: «Сила этого камня не в том, что за него много денег дадут. Ни у кого и денег не хватит, чтоб его купить. Перед тем человеком, который усмотрит этот камень, Пояс земли раскроется»². В дореволюционную эпоху «золотоцветень горы» не открылся никому, в том числе и рассказчику, который, как и другие старатели, вёл его поиски, чтобы «заработать для себя». Другое дело – в советскую эпоху Урала. В. В. Блажес пишет: «Чей глаз усмотрел золотоцветень? Может быть, вождя? Можно и так подумать, хотя в целом читателю непонятно, о ком идет речь»³. Однако в любом случае тот факт, что П. Бажов дал большому золотоцветню горы старательское имя хризолитов – золотоцветняков, о многом говорит. «Весёлый камешек» хризолит в сказах П. Бажова стал символом начала новой советской эпохи старого заводского Урала, уже не обременённой памятью о власти над камнем и человеком «тайных сил», некогда являвшихся воплощением, по словам Л. М. Слобожаниной «Уральского Олимпа».

Заключение. О. И. Гамали и О. Б. Каневская, констатируя, что любимый Урал «мыслится писателем как союз камня и человека» [2, с. 33], выделяли малахит, медный изумруд и хризолит в качестве «знаковых» для П. Бажова самоцветов. Исследователи отмечали, что именно эти самоцветы, как правило, «сопровождают залежи меди и имеют зеленый цвет. Цвет уральских лесов сливается с цветом камней, впечатывается в них навечно» [5, с. 33]. В статье последовательно рассматривается эволюция «знаковых» камней П. Бажова в художественном мире писателя при переходе от сказов, рисующих дореволюционную жизнь Урала,

к сказам, изображающим реалии революционного и советского Урала. Особенно это касается малахита и хризолита. Малахит с его амбивалентной природой, символизирующей единство жизни и смерти в сказах «Каменный цветок» и «Малахитовая шкатулка», в «Железковых покрышках» превращается в «родной» для уральцев камень. Хризолит, относящийся первоначально у П. Бажова к сказам «детского толка», становится в сказе «Золотоцветень горы» литическим ключом, открывающим «Великий Пояс» земли уральской. Что касается «медного изумруда», воспринимаемого в бажовском литическом дискурсе в качестве слёз Хозяйки Медной горы, то трагическое начало, заключённое в этом камне, частично уравнивается полевым шпатом и змеевиком «Хрупкой веточки», символизирующими собой высокое мастерство Митюхи, сына Данилы-мастера, изготавливающего каменные поделки для горнозаводских жителей из самого дешёвого каменного материала. Можно сказать, что изображением эволюции «каменной силы» основных уральских самоцветов, П. Бажов подготавливал почву для изображения «власти камня» сказов нового Урала. В этих сказах наряду с реальными уральскими камнями, вроде камня-орлеца из сказа «Орлиное перо» или «солнечного камня» (плагиоклаза) из одноименного сказа, будут задействованы камни мистические и полумистические: «вовсе простенький, на пять граней» камень ключ земли (сказ «Ключ земли») и «терпеливый камешек» (сказ «Далевое глядельце»). Изучение данных сказов П. П. Бажова является перспективой нашего исследования, позволяя через анализ их литической составляющей исследовать основные элементы поэтики сказов нового постреволюционного Урала. В данных сказах особую важность будет иметь утопическое начало, связанное с камнями, олицетворяющими собой счастливое настоящее и будущее Урала.

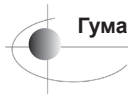
Список литературы

1. Банк Г. В мире самоцветов / пер. с нем. Т. Б. Здорик, И. И. Пастушенко, Л. Г. Фельдман; под ред. и с послесл. А. И. Гинзбурга. М.: Мир, 1978. 300 с.
2. Гамали О. И., Каневская О. Б. «Каменные образы» в индивидуально-авторской картине мира П. П. Бажова // Русская филология. 2016. № 2. С. 29–34.
3. Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов, 1735. М.: История заводов, 1937. 656 с.
4. Граматчикова Н. Б. Этнография детства в сказах П. П. Бажова // П. П. Бажов в меняющемся мире: сб. ст. 2-й Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 135-летию юбилею писателя (г. Екатеринбург, 13–14 февраля 2014 г.). Екатеринбург: Объединённый музей писателей Урала, 2014. С. 25–34.

¹ Бажов П. П. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. – Т. 2. – С. 96.

² Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. – М.: Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. – С. 96.

³ Блажес В. В. Золотоцветень горы // Бажовская энциклопедия / сост., ред. В.В. Блажес, М.А. Литовская. – Екатеринбург: Сократ: Урал, 2007. – С. 159.

5. Мурзин А. А. Народная религиозность как феномен культуры горнозаводского Урала XVIII – начала XIX в.: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2012. 26 с.
6. Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. 120 с.
7. Приказчикова Е. Е. Каменная сила Медных гор Урала // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. С. 11–24.
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
9. Скорино Л. Павел Петрович Бажов. М.: Советский писатель, 1947. 275 с.
10. Слобожанинова Л. М. Сказы – старины заветы. Очерк жизни и творчества Павла Петровича Бажова (1879–1950). Екатеринбург: Пакрус, 2000. 160 с.
11. Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах. М.: Наука, 1974. 252 с.
12. Харитоновна Е. В. Репрезентация русской ментальности в сказах П. П. Бажова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2004. 22 с.
13. Швабауэр Н. А. Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Челябинск, 2002. 273 с.
14. Ai Bohua, Wang Yanshen and Zhou Zushen. Types of Chinese Folk Tales. M.: Commercial Publishing House. 2008. 700 p.
15. Elite and Popular Religion / Ed. by Kate Cooper, Jeremy Gregory. N. Y.: Ecclesiastical History Society, 2006. 456 p.
16. Politicizing Magic: an Anthology of Russian and Soviet fairy Tales / Ed. Marina Balina, Helena Goscilo and Mark Lipovetsky. Illinois: Northwestern University Press, 2005. 418 p.
17. Wan Guangshuang. Analysis of Folk Tales. Hope Publishing House, 2013. 400 p.

Статья поступила в редакцию 17.11.2020; принята к публикации 22.12.2020

Сведения об авторе

Ян Юйбин, аспирант, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: 914837669@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-6499-1267>.

Библиографическое описание статьи

Ян Юйбин. «Власть камня» в сказах П. П. Бажова // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 83–91. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-83-91.

References

1. Bank, G. In the world of gems / G. Bank; TRANS. with him. T. B. Zdorik, I. I. Pastushenko, L. G. Feldman; ed. and with an afterword by A. I. Ginzburg. M: «Mir», 1978. (In Rus.)
2. Gamali, O. I., O. B. Kanevskaya «Stone images» in the individual author's picture of the world by P. P. Bazhov. Russian Philology, no. 2, pp. 29–34, 2016. (In Rus.)
3. Gennin, V. I. Description of Ural and Siberian plants, 1735. M: 1937. (In Rus.)
4. Gramatchikova, N. B. Ethnography of childhood in the tales of P. P. Bazhov. P. P. Bazhov in the changing world: collection of articles of the Second all-Russian scientific conference with International participation dedicated to the writer's 135th anniversary (Yekaterinburg, February 13–14, 2014). Yekaterinburg: United Museum of writers of the Urals, 2014: 25–34. (In Rus.)
5. Murzin, A. A. Folk religiosity as a cultural phenomenon of the mining Urals of the XVIII – early XIX centuries. Cand. sci. diss. abstr. Yekaterinburg, 2012. (In Rus.)
6. Nikulina, M. P. Kamen. Cave. Mountain. Yekaterinburg: publishing house: Bank of cultural information, 2002. (In Rus.)
7. Politicizing magic: an anthology of Russian and Soviet fairy tales / ed. by Marina Balina, Helena Goscilo, and Mark Lipovetsky. Northwestern University Press, Illinois, 2005. (In Engl.)
8. Propp, V. Ya. Morphology of a fairy tale. Moscow: Labyrinth, 2001. (In Rus.)
9. Skorina, L. Pavel Petrovich Bazhov. M: Soviet writer, 1947. (In Rus.)
10. Slobozhaninova, L. M. Fairy tales – old testaments. An essay on the life and work of Pavel Petrovich Bazhov (1879–1950). Yekaterinburg: publishing house: Pakrus, 2000. (In Rus.)
11. Fersman, A. E. Stories about gems. M: Nauka, 1974. (In Rus.)
12. Kharitonova, E. V. Representation of the Russian mentality in the tales of P. P. Bazhov. Cand. sci. diss. abstr. Yekaterinburg, 2004. (In Rus.)
13. Shvabauer, N. A. Typology of fantastic characters in the folklore of miners in Western Europe and Russia. Cand. sci. diss. Chelyabinsk, 2002. (In Rus.)
14. Ai Bohua (author), Wang Yanshen and Zhou Zushen (translators). Types of Chinese folk tales. M: Commercial publishing house, 2008. (In Engl.)

15. Elite and Popular Religion / Ed. by Kate Cooper, Jeremy Gregory. N. Y.: Ecclesiastical History Society, 2006. (In Engl.)
16. Prikazchikova, E. E. Stone power of the Copper mountains of the Urals. Proceedings of the Ural state University. Series of humanitarian Sciences, no. 28, pp. 11–2,. 2003. (In Rus.)
17. Wan Guangshuang. Analysis of folk tales. Hope publishing house. 2013. (In Engl.)

Received: November 17, 2020; accepted for publication December 22, 2020

Information about author

Yang Yubing, Postgraduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 19 Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: 914837669@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-6499-1267>.

Reference to the article

Yang Yubing. "The Power of the Stone" in P. Bazhov's Tales // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 1. PP. 83–91. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-83-91.
